

18+

Николай Новиков

Сельские жители

Рассказки

Николай Новиков
Сельские жители. Рассказы

«Издательские решения»

Новиков Н.

Сельские жители. Рассказки / Н. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531155-9

Время курьерским поездом летит по рельсам бытия, позвякивая на стрелках десятилетий. Меняются убеждения людей, стираются с лица земли города и села, зарастают бурьяном да мелколесьем некогда тучные поля. Только людская злоба, зависть и подлость не изменяются ни-ког-да. Жизнь... штука сложная — ясен пень! «Делов на рыбую ногу» — говаривал бывало при случае мой учитель Юрий Борисович Беспалов. Может, и случайно, но мне иногда кажется, что это... где-то, когда-то и от кого-то я уже слышал.

ISBN 978-5-00-531155-9

© Новиков Н.
© Издательские решения

Содержание

Друг	8
Гестапо	15
Рассказ о Лёше Петрове	20
Кроты.	22
«Песняры»	25
Братья	29
«Встреча»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сельские жители Рассказки

Николай Новиков

Редактор Ольга Борисовна Новикова

Иллюстратор Святослав Николаевич Новиков

Фотограф Юрий Владимирович Новиков

Фотограф Николай Юрьевич Новиков

Фотограф Юрий Николаевич Новиков

Фотограф Михаил Смирнов

Фотограф Анатолий Григорьевич Карпов

© Николай Новиков, 2021

© Святослав Николаевич Новиков, иллюстрации, 2021

© Юрий Владимирович Новиков, фотографии, 2021

© Николай Юрьевич Новиков, фотографии, 2021

© Юрий Николаевич Новиков, фотографии, 2021

© Михаил Смирнов, фотографии, 2021

© Анатолий Григорьевич Карпов, фотографии, 2021

ISBN 978-5-0053-1155-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Юрьевич Новиков ранее публиковался под псевдонимом Никодим Баженов.

Телевизионный режиссер, фотохудожник, композитор.

Николай Юрьевич Новиков с дочерью Анной 2013 год.

Время курьерским поездом летит по рельсам бытия, позвякивая на стрелках десятилетий. Меняются убеждения людей, стираются с лица земли города и села, зарастают бурьяном да мелкоколесьем некогда тучные поля. Только людская злоба, зависть и подлость не изменяются ни-ког-да. Жизнь... штука сложная-ясен пень! «Делов на рыблю ногу» – говаривал бывало при случае мой учитель Юрий Борисович Беспалов. Может и случайно, но мне иногда кажется, что это... где-то, когда-то и от кого-то я уже слышал.

«Бог видит каждый, пусть самый маленький, труд; каждую, пусть самую тайную, молитву; каждую, пусть самую сокровенную, добрую мысль

и каждое доброе намерение. Для Него важно все то, что служит добру, что служит любви, что служит человеку: и работа в канцелярии, и работа в школе, и работа на фабрике, и поход на рынок, и ожидание в очереди, и исполнение мелких домашних дел. Бог присутствует не только там, где совершаются великие дела, которые останутся в истории, но и там, где мать поднимает на руках свое дитя, где человек с трудом честно зарабатывает хлеб для своей семьи; Бог там, где человек любит, где человек идет на жертву ради другого, где человек радуется человеку.»

Епископ Хризостом (Войнович)

Друг

Было время, когда я был маленьким. Ну не совсем... в школу пошел, да сразу в другой области, да в классе номер один я оказался один. Совсем один. Вот такая оказия и наказание для папы директора школы. Много не раздумывая, все три класса начальной школы враз объединили в один. Класса было три-учились все в одном помещении. И моё счастье было в том, что программу трех классов я прослушал три раза. Сам того не желая, я трижды и перво, -и второ, – и третьеклассник. Так-то! Не знаю уж какого ума мне это прибавило, но, факт остается фактом. Такой была Угрюмовская восьмилетняя школа.

Переезд из другой области нас, ребяташек, забавил, задорил и раскрепощал. Имея, отродясь, пытливый ум и норовистый нрав, я с огромным удовольствием изучал окрестности нового места, и вот в один из дней, прогуливаясь в километре от дома в месте, где по моим расчетам были должны расти грибы, встретил мечту своей жизни! Моя мечта пролетала на бреющем полете в паре. Беззвучно появившись на горизонте скрылась за ним посверкивая красными звездами на бортах и под оглушительный рев двигателей. «МиГи». Захотелось сразу быть летчиком, и не простым-перехватчиком. Идеей сей проникся отец. (Чего стоит знаменитый родственник!!? Земляк, маршал... свой «в доску».) Отец знал семейную тайну. Готовил сына к Суворовскому училищу (и там свои служили Отчизне). Дарил мне книги про авиацию. «В военном воздухе суровом» -для меня стала вообще настольной книгой. А пока я папу огорчал. Огорчал тем, что взрослые пацаны из школы всю тешили моими драками с мальчиком старше меня года на четыре по прозвищу «Мунька». Тот был неопрятен, постоянно вонял мочой и был туп в полном смысле этого слова. Гладиаторские бои на большой перемене собирали аудиторию большую... ставки не ставили потому, что парень я был не по годам рослый и довольно сильный, в драке обладал злобностью бультерьера. Итог боя был всегда закономерен.

Разборки и бои закончились довольно быстро-на осенние каникулы школу перевели из помещения в Угрюмове на территорию бывшего детдома (там раньше была шикарная барская усадьба). И пока мы обживали новое место у всех интерес к дракам куда-то на время потерялся. На меня, как на младшего в семье, упали семейные обязанности. Дрова, воду и уход за появившейся домашней живностью никто не отменил. Загруженность родителей в школе была огромной. И мы, дети, были маленькими хозяевами. А еще, благодаря папе, в школе появились настоящие и «ижевские» винтовки! Пусть и «пневматики»...

Как принято сейчас говорить, мотивация была запредельной! Дома все было в ажуре, в школе в дневнике сплошные «пяты» и «примерное поведение». А еще в мастерских школы были настоящие станки по дереву и металлу. Но об этом будет «песня» отдельная.

Про страсть к хоккею я уже как-то писал... напала на меня другая страсть... стал я в ту зиму заядлым лыжником, охотником с петлями на зайцев и вообще «Юным натуралистом». С фотоаппаратом я мог в 7 лет общаться на «ты» -сам проявлял и заряжал, печатал, глянцевавал и сушил пленки и снимки. Издавал домашнюю стенгазету. В школе имел «удостоверение кинодемонстратора»! Агась! Получили! Меня педагоги приглашали на уроках показывать учебные фильмы. (Учился-то я три года один... год за три... или три за год?) И вот как-то декабрем месяцем после большой перемены и обеда в школьной столовой на выходе испортил мне послевкусие «Мунька». Надо же ему, с его-то запашком (!), появиться мне на пути. Брызнувший в глаза «Озверин» меня простимулировал так, что я забыл о всех папиных стимулах... с бульдожьей хваткой, не смотря на тошнотворный запах «Муньки», отрывая на ходу его пуговицы, раздавая тумачи и «подсрачки», выкинул его на белый и пушистый декабрьский снежок. И не видать бы мне более «Ижевки» в жизни, если бы не один тихий голос: "А тебе его не жалко?" Жалко мне «Муньку» не было.

Но это тихий и спокойный голос вдруг меня полностью остановил и отрезвил. Представилось мне, что я весь исцарапанный, в крови и «Мунькиных» соплях, воняющий «Мунькиной» мочой... хорош герой! Успокоившим меня человеком был паренек на год старше меня Мишка Смирнов.

Мишаня был мальчиком очень разумным, спокойным, рассудительным и опрятным. Его спокойствие мне очень нравилось, и я пригласил его после уроков в гости. Хвастать нам друг перед другом было особо не чем. Но очень быстро мы сдружились. Хоккеем он увлекался не шибко сильно, лыжами тоже. Позднее я узнал, что семья его жила совсем скромно... папа был инвалидом... мама с утра до ночи работала на ферме... года на три старше училась его сестра Таня... о ком -то еще я его не расспрашивал. Да и какая в том нужда?

Играть с Мишкой мне очень нравилось, но так как он много был занят делами домашними, выпадало встречаться только в школе да с утра по выходным. Папа мой доверял нам часто ключи от спортзала и столярки чтоб мы не болтались попусту. И это давало свои плоды. Запах обработанной древесины до сей поры будоражит мои ноздри! Но больше всего нам нравился спортзал. Там были «козлы», «кони», маты, мячи и главное (!) нам давали «Ижевки»!!!! Минька приходил к восьми утра и до 11 часов мы упражнялись в чем только можно. Мишаня во многом выигрывал у меня. Подтягивался больше десятка раз, подъем с переворотом и «малое солнышко» делал лихо. И выигрывая у меня каждый раз говорил: "Поддаваться я не люблю. Сам тянись за мной. У тебя получится». И учил меня той или иной премудрости. Будь то хват для лазанья по канату, подтягивание или прыжок через «коня». Занимались мы регулярно. Было просто в кайф. Никто нам не мешал и не приходил вместе с нами потренироваться. Хочется ли кому воскресенье гробить? Но вот в чем Мишка уступал мне так это в стрельбе. То ли зренье подводило, то ли еще что... И расстреляв штук двадцать мишеней мы переходили к стрельбе по коробкам и мелу, монетам и книгам... только что изготовленным «тракторкам». (Такие самоколесные на резинке ...из катушек от ниток. Ох, и погробили же мы родительские запасы! Ребра катушек-колес разного узора... пальцы в кровь от лезвий бритвы... дефицит хороших резинок...)

Шло время наш ритм жизни особо ни что не сбивало. Сбил только Новый год. На каждый год у Смирновых была шикарная, пушистая, с шишками настоящими (!) ёлка! Секрет такого чуда Мишка мне однажды и поведал. Пока мы по пояс в снегу лазим и высматриваем среди снега пушистую-Минька с лета примечает красавицу-жертву среди взрослых елей! И вот 28 декабря был назначен день «Х!» Конец половины учебного и начало Нового года мы должны были отпраздновать как следует! С большими пушистыми елями и со смоляного духа настоящими шишками! И опосля уроков я стрелой полетел на лыжах, прихватив алюминиевые санки, топор и веревку к Смирновым. За мной увязались верные мои Мухтар и Найда.

Мишка был умнее меня. Точно умнее! Я ж прибежал к нему на лыжах с ботинками... помните кирзовые такие? На улице было – 10. Друган меня уже ждал (жил он в деревне с километр от нас, Костеневе). На ногах были охотничьи лыжи, правда довольно узкие ...потом я узнал, что его отец их делал сам... валенки с бортиками, на которые были благоразумно натянуты штаны от попадания снега. Санки были «чунками» -обычными деревянными для перевозки небольшого количества дров, воды и сена. Топора у него не было ...???? Была половинка обычной переделанной двуручной пилы. Не теряя времени даром-Мишка впереди я сзидитронулись мы на «хутор». Кто б знал, что он километрах 2—3. Собаки наши оказалась умнее хозяев. И смотались домой с половины пути. Остались мы с другом вдвоём. Снега по «самое не балуй»...Друган привычный... мне же пришлось лихо. Снег набился везде и предательски заледенел. Выбранные ели стояли рядом. Высота их уходила в быстро темнеющее небо... С ловкостью циркового акробата, Мишанька быстро залез к вершине, завжикала пила... и вот на веревке к моим ногам опустилась нежна и пушистая красавица. Произошедшее следом повергло меня шок и трепет. С криком, шумом и гиканьем друган съехал к моим ногам по вет-

кам заснеженной ёлки! Но ни радости, ни счастья его фортель мне принести не мог. Из глаз моих потекли слёзы... ноги не слушались и кирзовые боты, промокшие «до не могу» говорили о скором отморожении в чистую... мороз крепчал. Но Мишка не был бы Мишкой!..Стянул с меня ботинки, обул меня в свои валенки! Тепло стало возвращаться к моим ногам. Друган, оставивший напослед для себя самую клёвую вершинку, стал карабкаться по ели. Так же удачно, как в валенках, у него не получалось... Чертыхаясь он-таки достиг возделенной вершины. Пока он упражнялся с пилой и увязыванием достояния леса, что-то мне кричал сверху. Но из-за падающего с еловых лап снега толком я ничего не понял. Подумал-ноги поди-ка замерзли тоже. Зашуршала спускаемая с вершины маковка... корячась как медвежонок сползал с ели Михряй.

Поменявшись обувкой он попросил меня медленно повернуться взад себя. Метрах в 20 на чистовине стоял волк... так себе... большая собака. Мы же двое! И у нас топор и пила. Темнело. Алюминиевые санки предательски зарывались в снег... Мишкины же бежали как по накатанному. Так мы и шли домой по старой лыжне с топором и пилой в одной руке и санками сзади. Метров через триста меняясь обувкой и местами... кто спереду, кто с заду... метрах также в 20 от нас боком трусил волк... на нашу лыжню он не выходил. От Мишкиной деревни мне оставалось метров 800 тракторной катанки. Деревенские собаки всю захлёбываясь заходились в истовом лае. Последний раз поменявшись обувкой Мишка проводил меня словами: «иди и не бойся... он не тронет...» Уверенности у меня не было. Но 800 метром я уже бежал без лыж... Спотыкаясь и подскальзываясь... на промерзших и обледенелых лыжных ботинках.

Домой приперся в целости и сохранности, удивив домашних столь поздним возвращением и наличием такой красивой елочки я избежал-таки дежурного ремня и прочих ребячьих неприятностей. Сняв ботинки бесслёзно плача метнулась за тазиком с холодной водой мать. Отец открывал бутылку питьевого спирта для растирания «чудотворца». Впереди меня ждал» отходняк отмороженных», горячее молоко с медом и маслом, и горячая русская печь! На Мишаню я обиделся. Обиделся за то, что не проводил домой... а потом осознал, что тогда бы ему одному домой шлепать. В муках совести и тела я провалялся на печке ночь. На удивление родных не заболел. На утро пришел Мишка. И мы пошли по привычке в спортзал... я правда только валялся на матах да стрелял по спичечным коробкам.

Почему на нас не напал волчара я узнал позже. Валенки Мишаньки были смазаны медвежьим жиром.

Где ты сейчас, Мишка?

(Половина в моей младой жизни фоток сделано именно М. Смирновым)

Коля Новиков 1974 год д. Ленино

Поход за елкой с Мишей Смирновым 1974 г. д. Костенёво

Спортплощадка Угрюмовской восьмилетней школы 1974 год

Мухтар д. Ленино 1973 год

Макушка ели на Новый год. 1974 год. д. Костенёво

Школьный парк (липовая аллея) 1976 год. д. Ленино

Гестапо

Михалыч шутить умел. Шутил всегда, шутил везде, по поводу и без. Надо сказать, был он не в меру эрудирован для сельского жителя, читал запоем «Новый мир», знал наизусть Есенина и «Гамлета». Цитировал всегда к месту... смакуя... дожидаясь своего момента. Любил слушать Высоцкого и не мог жить без рыбалки.

На очередном семейном торжестве свояк как-то неудачно пошутил о его черной и кучерявой внешности. Мол, не наш ты... дошли -де «дети гор» или цыгане какие и вот те нате... наши то, мол, все белые... такой вот кандибобер. Ну, знамо дело, Михалыч отшучивался и отбивался «Гамлетом» как мог. Обиды, вроде как бы, не было. Мало ли шутников! Баба Зоя, его мать, за всю жизнь не дала повода никому усомниться в своей верности мужу... инвалиду войны. Пришел тот домой без ног. Да и без ног-мужик, как известно, мужик... даже если остался на всем теле хотя бы один палец. А руки у него были золотые. Тут вам и корзины, и хомуты, и детские игрушки и обувь починить... первый спец на округе. Было в их семье четыре сына. Михалыч-младшенький.

Ушел на рыбалку как-то отец, взяли на Глухое озеро соседи. Поплыл на ботнике... да так и не возвратился. Славилось Глухое дурным... клюквенные болота вокруг... топко... так и не всплыл безногий ветеран.

Резко состарилась и померла его Зоя.

Хоронять, так всегда выражались у них в деревне, пришли, казалось жители всей округи. Бабу Зою в последний путь «обрядили» по всем правилам северной суровой действительности. Попа отпевать не было. Отвыкли от попов. Отвыкли в Антоновском и от громких речей, и от традиционной «свистопляски» на похоронах. Хромой Гера в одиночку вырыл в мерзлой земле могилу. Отогревал сутки хворостом-мороз накануне был знатный. Лошадь, утопая по брюхо в снегу, натужно фыркая, привезла Бабу Зою на остров вечного свидания с мужем. Одинокая ворона сидела на тополином суку и ждала поживы. Вдруг оставят что на могилке? Глухо стукнули комья земли о крышку «домовины». Вздрогнула ворона. Посыпался снег с веток. Хромой досыпал холмик. Пристукнул лопатой вокруг наспех сколоченного креста. «Спите, дорогие, мирно!» Разбрелся народ по могилкам сродников... когда еще заглянешь к своим? Разве что на Пасху. Поминать решили в старой леспромхозовской столовой. Куда спешить? Народу знатно. Всех надо уважить.

Один «стол» – одна партия поминающих. Молитвы по памяти. Пара-тройка рюмок. Компот. Кутья. Пирог-рыбники. Щи зеленые с мясом. Народ роился в сенях и на улице-где еще встретишь родню? Поминки да свадьбы... и то! Родни у Михалыча «море»! И со всеми поговорить... всех уважить... все, ить, разъедутся вскоре. На поминки в деревне приходит кто за чем. Есть просто любители выпить, таких хоть и недолюбливали, но в скорбные дни кормили от пуза, наливали щедро. Жизнь шла своим чередом. Мужики курили на улице и судачили об охоте и рыбалке, какие ныне будут хлеба, что там замышляет Пиночет. Женщины мыли посуду, прибирались после застолья. Оставались на конец поминок лишь свои, близкие. И то поди человек 30. Какой тут аппетит? А есть надо... таков порядок. За три скорбных дня, казалось, все и вся уже обговорили. Гулко стучали о стол опустевшие рюмки. Разговор не клеился. Тишину нарушил первым «Сапог», двоюродный брат Михалыча.

– Ты, эта, што с маткиным домом делать —то собрался? Тута и картошка семенная в погребе... и запасы.

– Это уж как братья решат. Мне-то не с руки. (Михалыч жил с семьей далековато. В другом районе).

– Так всем не с руки! Пропадет дом... можа уступите по сходной цене? Я б сношеницу привез с семьей... пусть бы на родной земле пообжились. Тута свое... все легче... не в городе. Земля прокормит.

– Да не знаю я... старших вон спроси.

– А че спрашивать? Оне молчат вона! Знаем, ить, мы что баушка завещание на тебя составила. Значит ты теперь и хозяин!

– Да у меня своя забота... дети... дача. И не слышал я о завещании... мать не говорила ничего.

– А что вы тут чужое делите? – раздался бархатный баритон среднего брата.– Мать все моим детям отписала... дарственную.

Кузнечным молотом повисла в воздухе тишина. Присели и притихли убиравшие посуду бабы. Такого поворота не ожидал никто.

– Это когда-ть она успела? – «Сапог» входил в раж.

– Ты что, Саня, мы бы знали! – и за столом разразился «базар-вокзал».

В спор вступили бабы. Что и говорить...

Шумели за полночь. Будто делили золотые прииски. Михалыч то и дело курил... одну за одной... Ему был важен дом как место встречи с родными людьми. О какой-либо собственности он и не мечтал. По всему выходило родные переругались из-за него. А он и не при чем. Дал просто повод. А может кто и придумал тот самый повод специально. Кто теперь разберет?

Вино не только согревало душу. Оно будоражило кровь в лихих головах.

– Чё молчишь, брательник?

– А что сказать? Все уж без меня поделили... будет вам.

– Нет! Вот ты скажи, -не унимался «Сапог», -оно, конечно, понятно... мать видать и впрямь спецом не говорила никому... так ...мозги всем парила... Всё младшему оставлю... его всех жалче! Вруны все!

– Да успокойся ты! -одернула его супруга.

– А ты не знаешь, так заткнись! Давно по селу гуляет слушок, что младшенький-то «выблюдок», не наших кровей!

– Сам бы хайло законопатил... умник.

Но «умника» несло. Он вспоминал и отсутствие ног... и коня Марата... и длинные полосы сеяного гибрида в колхозном поле... по всему, егонному мнению, выходило-чужой за столом. «Ату» его!

Михалыч понуро молчал. После обидных слов «выблюдок ты» резко сник, замкнулся и вышел покурить в сени. Топора под рукой, как назло, не оказалось... а то бы помнили его уже как «Отелло». Затаив обиду поселил в душе у себя Михалыч «черного ангела»... прошел день скорби -настало его время отвечать. Захотел он было перевести все в шутку. И пошутил ведь. Как говорят в народе» хватил его дядя Кондрат»...да не просто хватил – отнял речь и силу в ногах... инсульт по-нашему. Отходил он от него долго и мучительно. О рыбалке, машине, домике в деревне и прочих радостях ему пришлось забыть. Ни музыка, ни чтение его уже не привлекали. Года через два начал Михалыч понемногу говорить... сперва путая слова и буквы... затем все увереннее. И потянуло его опять на рыбалку, да кто ж такого с собой возьмёт? Злоба внутри на бестолковых «родаков» все-таки не остывала. Но тут как на грех попался ему местный авторитетный человек. Совсем молодой, но авторитетный.

Жулики местные его слушались и порядок в селе был почти идеальный. Дел конечно хватало и участковому... но больше так... велик угонят, да в саду набедокурят. И вот слово за слово, Жентос (так его звала местная братва) из сумбурной речи Михалыча понял, что кто-то того обидел и очень сильно. Непорядок на территории. Далеко ходить за свидетелями было не надо. Для начала Женька взял, да и позвонил старому другану детства-тот был в каких-то родственных отношениях с семьей Михалыча. Ну они конечно сперва встретились и погово-

рили за жизнь. Друг за годы тоже возмужал. Но впрягаться в «блудняк» не имел никакого желания. Так они и стояли-судачили за жизнь... один в кожаном плаще до пят... другой в кожаной куртке.

– Эки «гестаповцы»! – пронеслось и затихло в вечернем воздухе.

Обидные слова заделали обоих. Жентос решил исправить несправедливость.

– Давай-ко, брат, заглянем в одно место в гости?

Что им-трезвым, молодым и сильным!? Взяли, да и зашли к обидчику Михалыча в гости. Вид дяденьки 2м 04 см. ростом, и убедительно складная речь не оставляли обидчикам ни единой лазейки и успешного окончания разговора с самого начала. Да и как тут исправить инсульт? Мафиозо же дал время на исправление и осмысление греха. С тем и ушли.

«ЭТО ЖЕ ГЕСТАПО! Мы в милицию позвоним-«грозно раздавалось в телефонных трубках всех родственников подряд. Кто сдал-догадаться так и не могли. Перессорились все. Но на всякий случай стали приводить всякие документы и наследные свои дела в порядок. Мало ли?!?! А приводить в порядок было что. Судом установлено – мухлеж и подделка... и дарственная и завещание. Не оформляли родители ни-че-го! Надеялись-братья-таки... по-братски и поделят... родные ведь.

А Женька-бандит никого убивать и не собирался... просто не любил бардака. Но поход свой к олухам таки не отменил. Прищучил где-то около дома вечером... покурили-выпили. Тему помощи бедному Михалычу закрыли быстро и безболезненно. С деньгами надо расставаться легко. И надо же! Прилетел к Михалычу как-то «белый ангел»...

Уж не знаю насколько обнял его он своими крылами, но стал похаживать инвалид на рыбалку... и успешно. Говорил мало, но зато внятно. За собой ухаживал сам, и жена Галя не могла нарадоваться на помощника (хоть какого) на грядках. Так прошло несколько лет. Люди в селе рождались и умирали, женились и разводились... тырили что плохо лежит. В общем как везде и всюду. За очередной зимой замаячило весеннее равноденствие. Зима была суровая и никак не хотела расставаться со снегом. Любителям зимней рыбалки это было только на руку-какое счастье последний лед! И Михалыч напросился с мужиками на лед. Даже свой старенький «Москвич» выделил безвозмездно, то есть даром. Поехали ватагой не малой... машин с десятков... и родные и близкие... и всякие! Последний лед! 1 апреля...

Было еще совсем темно. По льду залива расползались темными пятнами рыбаки. Попыхивали сигарки, раздавался благородный матерок, шутки-прибаутки. Кто за чем! Кто уже поднимал стакан, а кто бурил 220 лунку. «Давай-ка накатим «самоплясу» за примирение-» услышал Михалыч совсем рядом-«поди -чай не «причащался-то» давненько? У меня «первач»!» Сели-обнялись, Михалыч смачно крякнув хватил рюмашку «мутненькой»...закусил, как обычно, хлеб с маслом да с солью и луком. Жизнь налаживалась. Поговорили-разошлись. Часа через два проходя мимо Михалыча кто-то из мужиков поинтересовался клевом. Тронул его за плечо... тот упал на бок. Вроде как пьяненький? «Мужики! Михалыча бы это... куда положить... вроде уснул...» положили в багажник его же собственного «Москвича» и ушли дальше на лёд.

Весть о смерти мужа Галина узнала в обед. Сбежал-таки один рыбачек от конфуза по далее. Плакала. Ждала. Те приехали к ночи. Доставать Михалыча из багажника не мог уже никто. Еле нашли помощников. Положили уже остывшего и скрюченного как пенёк в холодной. Понаехала милиция... объяснить, что произошло толком никто не мог.

На поминках, как водится, много рыдали, крестились и пили... жалко... хороший был человек. Дело почему-то милиция быстро закрыла... да и что там копать? Инвалид напился... подумашь! Сколько мрет по стране?

Милиция милицией... но Женька-мафиози дел своих на самотек не пускал-тем и был славен. Каким-то чудесным образом он узнал про клофелин в крови Михалыча. Там, куда пошел Жентос, его явно не ждали...

Похороны.

Похороны

«Михальч»

Рассказ о Лёше Петрове

Было время, когда и деревья были большими и ягоды слаще. Жил я, о ту пору, совсем в другом месте (а мест я поменял много... папу переводили... директором он был... обычной сельской школы.) И выпало нам жить на территории бывшей барской усадьбы где парк из лип крестом, и пруд с дубовым дном сердцем и море сирени... До ближайших деревень более километра. Но раз место для школы выбрали... куда деваться? О лосях, кротах, рыбалке, пастьбе коров и друге Мишке позже.

Было еще только начало 70-х... телевизор один... каналов чуть больше. Родители нас с детства приучали к труду и прекрасному. Хоть дома и скотинка-но на балет на льду, концерт или просмотр хоккея -СВЯТОЕ! И как-то само собой получилось, что в хоккее я приучился играть сразу по приезду в новую школу. Лёд вставал уже на осенние каникулы и не таял до апреля. Деревня на деревню! И на валенках! Вместо клюшек -вырезанные из леса коряжки... клюшка, чай, денег стоила! Детская 1р.70 коп фанерная... Ну а там «Динамо» или «Эфси», да еще с крюком, от 4.50 и до бесконечности. Но нам все ни по чем, и почему-то, местом игр мы выбрали деревеньку километрах в трёх! Наверно потому что там фонарь отцы повесили на столб... нас ради. Живя в небольшой -таки изоляции общение с друзьями было великой радостью. Зачастую шайбой для нас были конские «голышки» и хоккей из «русского» превращался в конский... но с появлением шайб!!!! Меня в игре более тянули к себе ворота... боли не чувствовал... страх был потерян. И вот в этой деревне у меня появился друган... Лёша Петров. Тоже отчаянный парень, хулиган отпетый, зубов половины не было и отъявленный матерщинник. Лёша был остер на язык, от нас отличался бойким нравом в отношении женского полу... и всякий раз прогуливая игры, выходя в окружении подруг постарше из какой -нибудь бани, разъяснял нам что он успел там наделать и какой он молодец. Шел Лёше от роду шестой год. Еще Лёша славился тем, что умело вставлял в шайбы (не знаю кто научил и сам ли он это делал) всякие железные штучки. Шайбы часто терялись в безграничных просторах снега и магнит был Лёше в помощь. (Не ждать же когда снег растает и подберут конкуренты). Шайбы он нам потом продавал-а нам и радость. И как-то незаметно летели весны, лета...

Лёша пришел в школу учиться. Мы подросли тоже и бегать пёс знает куда играть, когда в ста метрах два небольших озера, было уже моветоном. И мы стали чистить площадки метров по 40. Отец разрешил на уроках труда наделать скребков и лопат и мы, со шенячьей радостью, ринулись готовить себе ледовое побоище. О то время команды примерно уже по деревням были сформированы... а кто и коньки прикупил! Мне же, раз досталась роль вратаря, пришлось изготовить себе защиту. Тут я порезвился во всю! С Лёхой мы лихо изготовили щитки из фуфаяк, фанеры и еще какой-то хрени. Изготовили даже ракушку! Нашли и переделали валенки, присобачив к ним фигурки- и ногам не так больно, и тепло и настоящий там Зингер или Коноваленко. «Коноваленком» так и прозвали... видно на Зингера или Третьяка не тянул.

Сгношив за лето на заготовке ивового корья махонькую сумму я с гордостью купил себе настоящую пластмассовую маску и вратарскую клюшку «Юность»! Маску обклеил внутри... холодно просто так ведь... да и шибко больно. И вот настало время настоящего хоккея! Нашим противникам быстро разонравилось сражаться против такого «Коноваленка»...они уж и пять на четыре пробовали... и четыре на семь... вратарь не ощущал боли, резво передвигался и ворота предлагали сделать как в регби... чтоб не обидно... мы шли на уступки... и ворота соперника понизились до уровня печных кирпичей в высоту и ширину до метра. Так играть стало интересней... И вот в один из прекрасных солнечных воскресных дней мы с Лёхой решили пораньше приготовить площадку. Размялись с лопатами и скребками под» благородный» Петровский матерок. Я стал переодеваться к игре, а друган, как обычно он не играл... за шайбами бегал... и болел за нас... как-то вдруг подозрительно сник. Братва собиралась

на игру приличная и среди нее выделялся какой-то незнакомый высокий пацан. Со словами: «Давайте-ка разомну вашего Зингера» – он стал кистевыми покидывать шайбы по моим воротам. Мне не то чтобы не нравилось... ловушка и блин были у меня в порядке. Уж какой-то больно он был взрослый и сильный. И решил сей парнишка пробить мне с 11 метров.

Отсчитал он своими подшитыми, с новья, валенками метры. Я в позу. Щитки домиком... домик клюшка закрывает... ловушка и блин наготове. Он размахнулся и шелкнул по шайбе со всей дури. Мир для меня стал бесцветным... лед ударил в голову и лицо. Повернувшись на бок я смутно разглядел быстро удаляющиеся хорошо подшитые валенки. Лёха разревелся совсем не по-детски... Так быстро собравшийся на игру народ так же быстро исчез в неизвестном направлении. Один мой глаз не видел совсем... на льду валялась сломанная клюшка бьющего... моя тоже была в трещинах. Защитная маска сиротливо лежала рядом вся красного цвета... юшки текло много... я ползал по льду, прикладывая снег и скуля от боли. Шайба рикошетом от моей клюшки зашла точно в отверстие для глаз на маска. Кое как дополз с помощью Лёхи до дома. Он уже забыл, как материться и только беззвучно тряс плечами на вопросы родителей. А потом была больница ЧМЗ, где мои травмы уже казались мне и не такими серьезными... Докторов кроме сотрясения больше беспокоило родимое пятно, которое стало быстро разрастаться над глазом. Слава Богу, пятно выросло не так сильно... но по нему вы меня можете узнать до сей поры. Наши хоккейные забавы как-то быстро сошли на нет... мы стали строить снежные города... сооружать из катушек от ниток трактора (мы их так называли) ... эх и попортили мамам нервов!... разыгрывались целые бои... само собой пришло увлечение шашками, шахматами и лыжами... а с приездом на практику Анатолия Григорьевича Карпова (Многая лета... вечно буду благодарен!) я не только стал осваивать разные типы лыжного хода, увлекся волейболом, футболом, баскетболом... а самое главное я полюбил через него химию, биологию, физику и ботанику!

Прошло какое-то время и друган Лёшка перестал материться совсем. А вот Вы спросите: «а куда тот „травматолог“ делся?» Да ...травму он мне нанес серьезную... Бог с ним! Парень только с армии пришел... решил салагам жизнь показать... не портить же ему остаток дней... сам он их себе испортил... говаривали что в банду попал... душегубствовал... воровал... главного расстреляли... жив ли Лёха сейчас? Звали его тоже Алексей Петров. Бывает же так в жизни...

Кроты.

Эти милые зверушки только на вид такие милые. А вред от них может быть очень большой! Но я не буду описывать их биологию, начну из даля.

Помнится, я уже писал об учителе Анатолии Григорьевиче Карпове, который мне привил любовь к биологии. Так вот, его прививка оказалась действия очень длительного и замедленного. В школу из района да области грамоты сыпались с разных сторон... и не только по биологии. Многому может научить хороший человек. Но сейчас пойдет «песня» не о Григориче. В моей жизни появился совершенно случайно совсем другой человек.

Как-то, когда наша корова Милёнка ушла в запуск, семья стала нуждаться в молоке. Ждать появления теленка дело довольно долгое. И надо сказать, в то время, найти в деревне на каждый день три литра молока было делом очень хлопотным. Идти к Петровым после прилёта в голову шайбы было делом принципа и, хорошенько поискав по окрестностям, нашли — таки. На дальнем конце деревни, в крайнем доме проживал егерь дядя Гена. Был он для меня, как и все пожилые люди в то время, неопределенного возраста. Дом имел большой, основательный, с отдельным скотным двором, сеновалом и конюшней. Во дворе, как у любого хорошего охотника, жили собаки. Хорошая породистая лайка и смычок русских гончих. И вот занесла семейная нужда меня к ним за молоком. Ходить надо было строго ко времени и многие прелести ребячьей жизни на время отпали сами собой. Иногда, правда, зачитываясь подаренными Карповым книгами «Не кричи, волки» и «Летела птица» и «По таежной реке Бикин (в поисках рыбного филина)» я, таки, за молоком опаздывал... И вот в одно из опозданий попал не на жену егеря, а на самого дядь Гену. Тут я и подхватил очередную прививку...

Не то что бы егерь был разговорчивым-он был прозорливым, и мою любовь к природе разглядел одним махом. Купил он меня своей искренней и честной любовью к своему труду. Любовью к животным и детям... вообще ко всему. «Охотнику об охоте» и «Как определить свежесть следа» были моими следующими «запойными» книгами. Егерь купил меня с потрохами! Про занятия на баяне я стал забывать. Мне ружье хотелось! Но за молоком стал приходиться исправно, каждый раз мечтая о разговорах с дядей Геной.

И была причина. Говорил он кратко, тихо и очень образно. А еще, однажды он подобрал в лесу беспризорного лосёнка. Мать малыша убили браконьеры и, вот, теперь заботу о зверенке взял на себя сердобольный егерь.

О ту пору прокатилась по окрестностям волна невиданного хулиганства. Сперва обвиняли лосей в краже сена, но прикинув, что такого табуна сохатых не припомнят даже древние старики, как обычно стали обвинять друг друга. И покатила война-междоусобица по деревням. Неприятелей искали везде. Устраивали засады и облавы. И вдруг война перешла в иное русло-стала болеть идохнуть домашняя скотина. Отказывалась с громким ревом стоять во дворах вырываясь на волю. Стали искать то ли цыган, то ли бабушек- «шептуний». Было бесполезно всё! Но случайно совершенно, поговорка «найти иголку в стогу сена» проявилась во всей своей гнусной красе. Иголку нашел один из жителей, стали копать и находить другие... потом нашлись закладки волчьих и медвежьих потрохов в различных частях дворов. Стало понятно, что появился невидимый до селе и очень циничный враг. И смерть лосихи явилась тому лишним подтверждением. Участковый и егерь сбились с ног и, по — моему, тихо посидеть дома на диване было пределом их мечтаний. Однажды попал я не совсем вовремя к дяде Гене. На мое счастье он был дома... но был угрюм, неразговорчив и, попытавшись хоть как-то отвязаться от назойливого юнца, предложил мне заняться летом ловлей кротов. Расписал это предприятие как дело выгодное и доходное. Обещал полное содействие в реализации шкурки, подарил с десятков кротоловок... объяснил, как снимать шкурки и как их сушить. В общем домашнее задание на лето было получено. Приятным бонусом к нему оказалось обще-

ние с лосенком Машкой, так ее называли. У Машки была склонность к воровству и подхалимству. Её мягкие и влажные губы, треплющие мне ухо, я не забуду никогда. Как не забуду и ее ползайство по карманам в поисках конфеты или кусочка хлеба. Очень скоро она подросла и стала наводить свои порядки в деревне... собаки ее боялись, а коровы, завидев светло-серую спину сохатой, тревожно мычали и сбивались в кучу. Но Машка дядей Геной была выучена правильно. Питалась в лесу, лишь изредка появляясь на людях. Подходила только к знакомым, хлопот не доставляла ни каких.

Надо сказать, что по-первой, тема ловли кротов меня не заманила почти совсем. Но стыд перед егерем взял своё. И за первый месяц я раздухарился так, что капканов на кротов у меня расплодилось под сотню. ореол моей охоты на кротов очерчен был очень внушительный-и, хочешь или нет, помощник был просто необходим. Ну а первая сданная партия шкурок дала неугасимую надежду на вожделенный мопед. (от 8 до 50 копеек стоила одна шкурка в зависимости от сорта). И новый мопед «Рига» маячил на горизонте все яснее. В свои темные кротовьи дела я вовлек и Мишку-друга. Надо сказать, взялся он с неохотой и шкурки доверял снимать только мне. Но вдвоем веселуха! И мы себе придумали дополнительную развлекаловку. Научились плести вёрши для ловли карасей и, передвигаясь по маршрутам постановки кротоловок, одновременно ставили верши в окрестные пруды. Приварок к домашнему бюджету был довольно солидный. Но караси на каждый обед быстро надоели. Ставить стали ловушек в меру. И тут случилась первая беда.

Нет, «черный ангел» нас не посетил... но и белый перестал прилетать.

Стали пропадать караси из вёрш и кротоловки с нор. Беда не ходила одна. С Мишкой мы устроили настоящую войну «Гаду» и «Вору»! Запаслись бутылками и карбидом. Стали изучать все следы возле пустующих кротовых норок. Первый Гад определился довольно быстро. Подходя издали с разных сторон к пруду мы, как заправские индейцы, учуяли сладковатый дым самосадной махорки. Было ясно —это одноногий дед Петров. Спугивать на первый раз мы не стали-оставили месть на потом. И, только убедившись в виновности деда, месть подалась совсем не холодной. Мы утаскивали и уничтожали все его «поставы». Закидывали его засидки бутылками с карбидом-они с грозным шипеньем и адским грохотом сыпались в окружение старого браконьера. Запах махорки стал исчезать с наших, уже насиженных мест. А вскоре мы стали обнаруживать знакомые «пяточки» от деревянной ноги деда и возле мест своих капканов. Сперва они оставались пустыми, а вскоре стали пропадать капканы из нор вообще! На скорость передвижения инвалида со скоростью мотоцикла поверить мы не могли. Становилось ясно- появился Враг. Капканов к тому времени у меня осталось с десятков. «Война» с невидимым врагом порядком надоела. Сдав остаток шкурок и поделив наживу, мы с другом решили отложить кротовый бизнес на неопределенное время. Впереди нас ждали сенокос и ягоды. Недостающие для покупки деньги решили добрать в августе.

Но «черный ангел» в окрестности все же прилетел. Егеря дядя Гена получил ранение в живот. Не простое. Огнестрельное. Пришлось ему стать инвалидом. Дел он правда своих не бросал... люди помогали кто чем. Егеря другого найти в области для нас не могли. Нам было дядю Гену жаль, ну чем мы, пацаны, могли ему помочь? Планировали что с наступлением зимы, поможем ему с зимним учетом животных и птиц. Будем ухаживать за Машкой и делать солонцы. «Черный ангел» не отпускал дядю Гену... Машку убили.

Убили и колченого глухонемого сторожа на одной из ферм. Догнали на лошадях больного велосипедиста и просто прирезали как свидетеля. Окрест началась спецоперация. Настоящая... с привлечением военных. Ловили упырей не долго. Банда наводившая на нашу местность страх и ужас была обезврежена. Оказалось, что большая часть пакостей была именно их рук... так для страха и стговорчивости. Руководил бандой по слухам некий «капитан» или «майор». Обидчик моего глаза (помните хоккей?) тоже был у них в друзьях. Бандитов осудили и многие получили «высшую меру». Нам, казалось, что за Машку, егеря, невинно-убиенных

коров и овец, за бедолагу глухонемого, этого для них мало. Мы не были кровожадны... на суд не пошли... свои мысли оставили при себе.

Кротов действительно сильно поубавилось в округе. Воцарился по деревням долгожданный мир. Прилетел «белый ангел» и забрал дядю Гену с собой навсегда.

На следующую весну случился несносный и невиданный лёт майских жуков. Но это уже в другой год. Этот надо было еще дожить.

Верхнее озеро д. Ленино 1975 год. Коля Новиков на плоту.

«Андреич».

«Песняры»

Не знаю, как насчет музыкального слуха, но какой-то у меня был. Родители мои были люди добрые и, чтоб я не влезал в неприятности, определили меня в «музыкалку» в райцентр за 40 с лишним километров... Было время, когда дети были самостоятельными и дорогу домой находили с малолетства. На автобус в 11—30 я успевал после второго урока, ну а на 16—40 из города после занятий и подавно.

Кто занимался музыкой в то время, да как в прочем и сейчас, прекрасно знает, что общее фортепиано преследовало по пятам каждого ученика. Но только не меня! Возможности приобрести инструмент у родителей не было. И, по началу определили меня на аккордеон. Но и он оказался непосильной финансовой ношей для семьи. И сел я тогда за баян... за неимением фортепиано мне присобачили гитару. Народники-они такие! Ну гитара так гитара... за 6—50... звука нет ... так костерок растопить в походе. Преподавателем была великолепная, красивая и талантливая Галина Александровна Аугуцевич. Офицерская жена... Порядок во всем. За то и нравилась. Баян «Этюд» за 145 рублей да гитара за 7-50-это вам «не фунт изюма»... И требования родителей порой зашкаливали, и были больше чем у преподавателя специальности. (Надо сказать, что чуть позже я узнал о наличии у мамы знаний мастерства скрипичного, а отец с малости «чесал» на гармошке.) Грыз я «гранит» музыкальной науки не совсем охотно... но достаточно прилежно, это чтоб «...дюли» не залетали...

Шло время... Дедушка дразнил меня «композитором», а я, оправдывая его доверие, наяривал импровизации «на всю Ивановскую». И уже не помню в каком классе, на переходном экзамене, к нашему классу примкнул полуслепой парнишка. Оказалось, что с ним занималась Галина Александровна по своей уникальной методике. И надо было так случиться-выступить мне выпало после него. «Полонез Огинского» и прочее в исполнении такого вундеркинда отбило мне охоту брать баян в руки совсем. Начисто! Правда на время... лет на 5... Отыграл я экзамен на 4. И спас меня от ругани с родителями только скоростной отъезд педагога к месту службы мужа. (Ну не ехать же вслед за женой офицера и мне в тайгу?) Мои доводы папе показались убедительными. И баян иногда всхлипывал долгими длинными вечерами ... на крыльчке... переехали мы уже в другое место к тому времени. А там хоть и своих баянистов не лишка, а интересу к моему инструменту не много.

Старшие братья и сестры мои уже учились в районе, а меня стал привлекать Дом Культуры. В нарушение закона я иногда подменял киномеханика (спасибо папе... научил на КПШ-2) ... ходил на курсы вокала... мнегодились знание сольфеджио и гитары. Первый выход на публику состоялся отнюдь не с баяном... песня «Журавли» под собственный аккомпанемент на гитаре имела неожиданный и громкий успех. И я влился в местный ВИА.

Публика в нем играла разношерстная... а порой, да почти всегда, нетрезвая. Состав менялся. Кто-то в армию уходил, кто-то из армии приходил, кто-то женился и забивал на музыку. Руководители музыкальные менялись тоже часто... девушки... что с них взять? И вот настал момент, когда играть на ударных стало не кому. Печалька... Нашелся-таки «вундеркиндер» из 7 класса. Но как ему играть на танцах?... Возраст... «НИИИ – -ЗЯЯЯЯ!» Местное начальство стало закрывать глаза на присутствие в ансамбле малолетки... на танцах нужно было брать «кассу», а много ли возьмешь с пластинок, да магнитофона? Одно разорение... на записях. И тут пришла беда. Ворота для нее были открыты настежь- «областная тарификация коллективов.» Играть часть танцевальной программы было необходимо в зале рай-ДК на 1000 мест. «Крыша дома», «Волшебный полет» Маруани, да еще всякая хрень с обязательными патриотическими наклонностями. Учили мы программу истоиво. Себя не жалели. Даже выделили нам денег на аппаратуру. (О, «Голубой экран»! Большое «мерси».) Прикупили мы ленточный реверок, пару усилков, небольшую пультейку, поменяли гитары, колонки для

хорошего звука. (Надо сказать, что к тому времени я и сам собирал колонки «будь здоров»! Знания и умения имелись, приобреталось оборудование и облекалось в определенные формы). Но все наше богатство, кроме гитар, да «примочек», везти на тарификацию нужды не было. И на свой страх и риск в означенный день мы в пасть «Ваала» ринулись.

«Пасть» оказалась огромной... в один день комиссия из 10 человек должна была прослушать ВСЕ (!) коллективы, включая детские и народные. Отказаться от мероприятия возможности не было-тогда мы теряли возможность заработка (8—10 р. за выход... каждому!). Пройдя скоростной «саунд-чек» мы уже предчувствовали скорый «...ЗДЕЦ».

«...Здец» просвистел вместе с гильотиной удивительным образом. Начались прослушивания. После 4 или 5 коллектива, заскучавшую было комиссию, изрядно позабавил коллектив из далекого и позабытого села. На сцену вышли трое патлатых, но опрятных мужиков лет 30 с гаком. И напоминая «ZZZ-Тор», вдарили рокешник. Музыка была «добрая», самобытная и исполнялась самозабвенно. С каждым «запиллом» гитариста наши ожидания на благополучный исход мероприятия становились близки 0. Группа была настолько сыграна и стильна, что иным нужно было нервно курить в сторонке. Исполнительскому мастерству могли бы позавидовать и столичные знаменитости. Увы... знаменитостей на тарификации не было. Была комиссия. Не добрая, не профессиональная и бескомпромиссная. Впечатления на нее выступающая группа не произвела... и они испросили наиграть что-нибудь из современной эстрады или народное. Ребята сбацили! Сходу! Тут вам и «Крыша дома», и «Клен» и «Варенька» с «Валенками»! В гробовом молчании комиссия покинула зал. В каком качестве теперь может появиться число «Пи» не мог предсказать никто! Невесть куда пропали все участники нашего ансамбля, кроме семиклассника Сашки. Ему было все интересно! Следом выступать следовало нам. Ну не вдвоем же! Позорище приближалось неумолимо. Вот, уж, и комиссия подтянулась на свои места... тот самый «...здец» с гильотиной или пожизненная «цака» с гвоздями были неминуемы. Мы с парнишкой прикинувшись занавесом стояли в портале, чтоб объявить об отказе. Нас не вызывали... следом пошли вразной детской и народных коллективы... наугад...

К вечеру прошедшим тарификацию выдавали разрешения. Дали и нам! До сей поры не верится в такое чудо! Добирались мы до дома «Христа ради»... наш автобус из ДК увез, как казалось, с собой наш позор в лице сбежавших коллег. Ни на завтра... ни через день идти на «репу» не было никакого желания. Предательства я не терпел.

На ближайшие танцы мы все же собрались поиграть. Бумагу на разрешение я-таки, отдал директору ДК. (На кой она мне?) Играли без энтузиазма... к концу крепко выпили... стало совсем грустно... уходила клавишница... двое уходили в армию... один женился... После такой встряски оклемались только к лету. Устраивали гастроли по окрестным сельским ДК, (бывало дрались с местными... кто в юности не дерется?) играли на юбилеях и свадьбах... спасал баян... Не спас он только от назначения нового директора ДК.

Женщина пришла с амбициями, любовью к деньгам и славе. А еще с любовью к хорошему алкоголю. Нам репетировать было разрешено, но гастрольная деятельность быстро свернулась. Все реже мы стали играть на танцах. В моду вводилась «дискотека». Заниматься даром собираньем треков для ушлых директоров мне было «в лом». По району прокатилась волна краж музыкального оборудования. Наш ДК она не обошла стороной. В соседнем поселке в 20 километрах был очень (!!!!!!!) хороший ДК и соответственно музыкальный коллектив. Друзья там у меня были.

И я решил испытать судьбу и найти свое счастье.

Саша и Ира. Репетиция в Воскресенском СДК 1984 год.

Два Николая. 1984 год.

Репетиция 1982 год с. Воскресенское ул. Гагарина. д. 4.

Репетиция 1982 год с. Воскресенское ул. Гагарина. д. 4.

Братья

Петр и Павел были единокровными братьями. Пашка был старше. Петр родился в мучениях через много лет после. Их мать отчаялась когда- нито прекратить рождение детей... с появлением Петра её мучения кончились... иссяк разом природный дар деторождения. Старшие детки давно переженились и повыходили замуж. Остались два балбеса. Ну не то что бы... А забот доставляли. Родитель, надорвавшийся на возрождении страны из пепла и руин, ушел тихо и незаметно... рак. Вольный ветер раздувал ноздри уже не совсем сопливым пацанам. «Танцы-шманцы», «оказиво», беспутые девки... да много чего по молодости перепробует иной. Братья любили музыку, охоту, рыбалку и девиц. Старший уже успел сходить в армию и наслаждался вольной и разгульной жизнью. Петька был «Кулибиным». Дом, и сарай с гаражом, были завалены всякой нужной всячиной. Цветомузыки были очень востребованы, Петька с благодарностью поминал родного дядю за подаренную книгу «В помощь юному радиолюбителю». Эта любовь и довела его до «цугундера».

Пока Павлик осваивал азы на новой работе, да женился попутно, Петрухе выпало ремонтировать усилители из местного клуба. Работа не ахти... но в районе брали 50 р. и больше за ремонт, да и ждать пришлось бы месяца 2—3. А тут все оптом да за три дня. Павлик смотрел на занятие брата саркастически, но потом проникся. И вскоре новоиспеченный муж захотел себе иметь дома «самую круть». На магнитофон еще наскрести было еще можно, но чтобы слышали его крутизну все соседи разом-тут надо было иметь «гомо сапиенса» в помощниках. И «гомо» был в лице братана. Долго не думая вечером Петька и Пашка отнесли отремонтированную аппаратуру в клуб. И тут их попутал бес.

В захламленный бытовке валялись никому ненужные рупор-колокола для уличной трансляции... разбитые колонки смотрели зияющими дырами в темнеющий потолок. Ну и что им так лежать? И тем же временем это добро перекочевало в сарай Петьки.

Шло время. Музыка извергалась на уши соседей. Все шло своим чередом, пока какие-то злодеи не поглумились над стареньким клубом. Сильно и жестоко. В руках всего добра было не унести. Милиция порыскала по району, да и заехала к братьям... не в значай... с намеренья... Бдительный сосед донес о подозрительном и безудержном веселии на соседней улице. (Ну и что что веселились братья уже не один год до того?) У нас ведь как? Посадят не за то, что украл, а за то, что попался. Приехавших за братьями оперативников поверг в шок вид Петькиного сарая. Вот уж где «барахолка»! А надо было знать натуру Петра... он тащил в дом все, что могло, когда- либо, пригодиться... ну не себе, так кому-то... деньги нужны всем! Пригнали в дополнение к «милицейскому бобику» грузовик. И отправились братья в узилище.

Иголок под ногти им не загоняли... противогазы тоже не натягивали на лицо... молотком по причинным органам не били. Допросами мордовали. Надоело. И отправили братьев в СИЗО, построенному еще в «Катькино» время. Отправили, да и забыли.

Месяц за месяцем... сроки у следствия вышли... Пашка орал на волю, что выпускайте «ироды», у меня на воле жена и дети. А Петке же сидеть в душной камере как будто нравилось. Возраст-то юный и пытливый. А вокруг на нарах сплошь прожженные «урки». Статьи все 103,105, да 108 старого УК РФ. Петрухе инкриминировали 89 ч 2 дважды, да 92 того же разлива.

Народ в камере сидел понятливый... такого молодого и нанесшего тяжкий урон пацаненка уважали все. (Статьи были действительно уважаемые в криминальном мире). Тяжесть его проступка никто понять не мог, даже «подсаженные насадки» быстро вычислялись и уходили в потрепанном виде в лазарет. За тюремное время Петр возмужал морально, научился «правильно» говорить —его зауважали еще сильнее. Такой рассудительный и твердый в своих убеждениях встречается не часто. И быть бы Петьке авторитетом... Но не судьба. Судьба

пришла через полгода в виде следователя- старлея милиции, и адвоката. Следователь, глянув на два тома дела, снял фуражку, попросил обед в комнату на троих. Надо сказать, что адвокат какой- либо участии не принимал в делах следовательских вообще... и вскоре удалился на совсем... Петя перестал его интересовать. Старлей же был человеком грамотным и ушлым. Сперва его удивило отсутствие каких-либо документов о задержании, доставлении и отправлении по стражу. «Блудняк» сей ему не нравился очень. Человеку юридически подкованному и справедливому вдруг стало все ясно. Из двух томов дел полтора улетели в корзину. Дав почитать характеристики из школы и с места работы, а также список украденной аппаратуры на семи листах, следователь задал только один вопрос... ему было, ну уж совсем невдомек, как отличник, в школе и на работе, враз стал бандитом. И брат его Пашка для него стал уж совсем мелким лавочником и никчемным жуликом, незаслуживающим темницы и неба в клеточку. Что произошло Петр не понял. Оставалось ждать суда.

Дверь камеры отворилась. В тюремном дворе стоял в ожидании братьев «воронок».

На скамье подсудимых Петьке хотелось смеяться. Он едва сдерживался. Но делать раскаянное лицо перед судьей и друзьями, нахлынувшими в зал становилось все тяжелее. Павлик, его старший брат был неопределенно грустен. Петькина надежда и уважение сидело свесив плечи... весь поникший. И вдруг ему стало противно и стыдно... за брата, за начальство, давшее ему характеристики... за всё, всех... и сразу.

На вопросы судьи и прокурора отвечал кратко, четко и убедительно. «Так ему, что теперь орден вешать? Такому всему положительному!» -возмущенно выступил прокурор. И запросил семь лет строгого с конфискацией. Улыбка с Петькиного лица слетела. Суд удалился на совещание.

За братьев видимо попросил кто-то «свыше». Ибо получить смешные сроки с отсрочкой приговора по тяжелейшим статьям было делом почти безнадежным, но вышло три на два года с отсрочкой. Сказка!

Воздух свободы опьянил обоих братьев.

Но сей случай их, как братьев, стал разводить друг от друга все дальше. Не стало меж братьев братской любви.

Слух об новом авторитете Петьке распространился задолго до его выхода на вольную волю. К нему домой стали заглядывать «темные личности». Приходить решать свои дела местная братва. Из мест заключения писали сокамерники. Петр отвечал всем, даже приговоренному к «высшей мере» Витьке. Петюня был сострадатель и сердоболен. Вскорости сторел клуб... напроць!...навсегда... Директриса ударила сперва в запой, потом в бега...директор школы уволился и скоропостижно удалился восвося... егоси свосяси неведомы Петру до сих пор... но «леща» сейчас бы ему Петька выписал... так... для порядка.

Украденные инструменты из местных ДК нашлись позже и случайно... нашел один ушлый работник киносети приезжавший с проверкой в соседнее село... потом стали всплывать и распроданные по- дешевке, пропитые и просто украденные инструменты. Любителей музыки оказалось в этом селе предостаточно.

«...Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.»... (от Матфея, глава 6, 14 —21).

«Встреча»

Как известно, Петр был не только суров, но и справедлив. Правда не всегда. Жену свою и детей он любил и, как иногда бывало, удалялся из дома внезапно, только по ему известным причинам. Так случилось и на сей раз.

Прослышал он как-то о расчудесном, справедливом и прозорливом священнике о. Алексее. И излечивает он молитвою своей, и кодирует от пьянства и курения. Надо сказать, что Петька куреньем не баловался, выпивал более или менее для порядка и поддержания компании, жене своей был верен. Желал он встречи с батюшкой скорее всего для чего-то внутреннего, душевного, чего ему явно не доставало. Справедливости ради скажу, что с Павликом-братом своим и прочими сродниками, происходил он из рода православных священнослужителей. И по сему его тянуло к православию непреодолимой силою. Понять, принять и изучить стало его, Петькиной, заветной целью.

В зрелом возрасте принял крещение, с женою обвенчался, имел детей крещенных, отпустил бороду и враз занялся изучением Священного Писания. Много ему было не понятно, и вот как раз для разъяснения прочитанного и усвоения пройденного захотел Петюня поговорить душевно с прозорливым и умным батюшкой. (То ли в своем городе ему было мало уважаемых батюшек, то ли стеснялся перед ними показаться глупым?)

Жил отец Алексей как раз на родине их с Пашкой предков, восстанавливал храм, где служили Богу и Отчизне их родные. Столько причин разом будоражили пытливый ум Петра! И он не вытерпел. Ехать пришлось на автомобиле. Километры его не пугали... как не пугало его и состояние машины. К трудностям братья привыкли с детства. Не могла привыкнуть к таким внезапным пропаданиям его супружница. Уехал Петька скоростно, обещав позвонить. «Куда? Зачем? К кому?» – Эти вопросы уже давно в их семье вышли из моды... надо-так надо. Воспитание детей давно стало святой обязанностью женщины. Надо сказать, что Петруха в своей бесшабашной молодости здоровье свое попортил основательно. Сотрясения и переломы были делом обычным для него. И как объективную данность пришлось признать получение Петькой инвалидности. Таковым он себя не считал, и брался за дела различные. Тем семья и жила.

И тут «орех познания» оказал на его пытливый ум воздействие. И выдавшая виды 38-ми летняя «копеечка» понесла Петра в непознанную даль. Машину он любил. Холил, лелеял, чинил самостоятельно и она отвечала ему взаимностью. В хороших руках -38 лет не возраст!

За окном авто пролетали города и области. Попутчики и попутчицы подкидывали денег на горючее. Что не ехать? Лафа! Золотая осень за окном довольно скоро навела на него грусть. Где-то там... вдали... совсем в стороне от его намеченного маршрута коротала свои долгие годы старенькая мама. Ему становилось стыдно... Не видел родных лет 10. А надо бы. 500—700 километров для осуществления идеи... «ну всего пару дней... сбегая к папке на „крестовуху“... сеструх увижу... обнимусь с братанами...» -тем примерно роились его мозги. И завернул! Что там 10—12 часов на хорошем-то автомобиле! И все пошло чин по чину. Гости, стол, обнимашки, слёзы. Последним в его списке был Пашка. Обиды юности прошли. Хотелось взглянуть на постаревшего брата, обняться крепко, выпить рюмку-другую.

Было 12 октября. На Покров обещался Петька быть пред светлыми очами отца Алексея. Успевал.

Время на общение с братом было выделено большое и обстоятельное. Поговорить за жизнь, закусить и выпить, чуть-чуть (!). Общение началось с осмотра раритетного автомобиля. Шутки-прибаутки. Скромный Пашкин стол. Братишка слыл хозяином авторитетным и основательным. Имел крепкое хозяйство. Ходил на охоту. Вел дневник наблюдений и писал своеобразные стихи и прозу. Пел песни под гитару. Говорили о собаках, охоте и машинах,

старательно обходили темы политики. И как-то само-собой зашел разговор о вере. Павлик был человеком не крещенным и живо заинтересовался истоками православия. Брат с жаром и искренностью разъяснял «неофиту» суть его веры. Приводил примеры из Библии, делился своим опытом. Рассказал куда ныне намерен держать путь. Вскорости пришли сын и супруга Павлухи. Скромно, не перебивая беседы, расселись в комнате. И вдруг стало тихо.

Утратил былую живость разговор, совсем перестал клеится. Петька живо смекнул «откуда и куда в скорости должен пойти автобус» его духа и тела. Напоследок Павлик вдруг произнес «: А знаешь, я верю не в Вашего Христа... я верю вон в небо синее... верю в ветку тополиную... пенек ивовый... солнышко ясное».

С тем и расстались. Никто более ни в чем и никого не убеждал. Время расставляло все по своим местам.

Блаженно растянув ноги возле горячей, и так любимой с детства печки, Петруха, поблагодарив за день матушку, погрузился в дрему. Разбудил его истошный крик матери. Глаза почему-то отказывались глядеть на белый свет. Все, что увидел он перед собой, через заплывающие синевой и отеком глаза, это было лезвие топора и приклад братовой «тулки». Вернее, не приклад, а знакомый с малолетства подпятник. Кто-то мгновенно выключил Петькино сознание....

Скорая ехала долго... везли, пожалуй, еще дольше. Город был далеко...

– Брат!... Браааат!

– Услышь меня Господи!

Сознание к Петру медленно возвращалось. Тошнило и рвало. Глаза щипало. Руки не слушались. Извечное «Брат» бесило.

Кто-то пришел опять... и в голубых Петькиных глазах опять выключили свет. И так несколько раз.

Очередное прояснение пришло. Глаза понемногу открывались. Все еще мутило. Шум каких-то приборов, казалось, стих. Петька попробовал пошевелиться. Из носа торчали трубки... промеж ног тоже. Руки были бессовестно привязаны к кровати. Опять стал наступать вездесущий «БРАААТ». Петька лежал в реанимации.

Рядом с ним на кроватях, кто похрапывал, кто посапывал, кто-то говорил «Брат». Пришел доктор и попытался заговорить. Давалось с трудом. Из разговора стало ясно, что лежит тут Петька не первый день, а так как он «пассажир» не местный, вскоре прямая дорога ему в дом к матушке. Никого не волновало его состояние. Нет денег или родных- по показаниям «дранк нах остен!» Зашла вся в розовом «стюардесса-медсестра». Укол. От поставленной капельницы захорошело. Откуда-то прилетел ангел... и стало снова тепло, томно и беззаботно.

У Петьки выняли из носа трубки и отвезли в палату. Вездесущее: «Брат» -на какое-то время пропало.

Ангелы прилетели вновь... теперь вдвоем. Перевернули, подмыли-обмыли, сменили памперсы. По разговору Петруха смутно узнавал голоса одноклассниц —Раисы и Вероники. Откуда? Свет снова выключили.

«Брааат» появилось вновь. Ангелы, теперь уже с голосами сестер Лены и Татьяны, вновь появились. Петру стыдно не было... ангелы с завидным знанием дела дело и делали... обмывали... переворачивали... меняли постель.... Выносили тазики с рвотой... Сознание возвращалось. Что с ним произошло он осознать не мог. Да и кто может объяснить междоусобную неприязнь... бессмысленно-беспощадную. Своё избиение во сне он был понять не в состоянии. Пришел человек в сером. Поинтересовался: «Заявление писать будете?» Петр кивнул головой, мол, «да». Жизнь стала налаживаться. «Как там его авто? Насколько он опоздал к бабушке?» Его стали волновать обычные и такие простые вещи. На соседней кровати в молитвенном экстазе заходился молодой человек. У него был сломан позвоночник и к нему тоже прилетали ангелы. Только мужского пола. Ухаживали, разговаривали и кормили с ложки. Рядом стоял

ноутбук. Иногда молодой человек плакал. Пытался поднять руки к небу и просил обезболивающее. На некоторое время он затихал и потом все начиналось вновь. Петра он почему-то сразу принял за брата... уж не знаю за что... то ли вера была такая... то ли судьба схожая. Ко всему, надо сказать, у молодого человека был СПИД. Тяжелые наркотики сломали жизнь его и его жены, и теперь, находясь в реабилитационном центре, он получил еще и жесточайшую травму. Иногда к нему приходил человек в черном, называл он его пастором. И втихаря они начали склонять Петра к своей вере. Чтение вслух Библии, псалмы и отрывки проповедей с ноутбука, вечное «брааат». В ход шло все. Петька к таким увещеваниям был глух. Говорил он и так по жизни мало. Глаза стали мир Божий осязать. Ангелы помогали пробовать садиться на кровати, кормили чем могли, звонили жене и сообщали его состояние, выносили судна и покупали необходимое. Когда сняли с тела все катетеры очередные ангелы принесли новое белье, одели, побрили и подстригли. Из зеркала смотрел на него совершенно чужой и не знакомый Петру человек. В отсутствии ангелов захотел встать. Ноги не слушались, спина сгибалась, по телу побежала дикая дрожь, майка взмокла. В лицо ударил не мытый пол больничной палаты. Ангелы прилетели вовремя. Реанимация не потребовалась. Потребовалось легкое любовное внушение. (Все ангелы Петра были женщинами степенными и в возрасте. Имели судьбы схожие. Таких «ухарей», как Петька, в семьях хватало. Опыт ухода был. Опыт потерь тоже.) Это сразу укрепило дух и веру в лучшее. Помирать он не собирался... по крайней мере в ближайшее время. В отсутствие женщин спидоносный наркоман докучал своими рассказами все меньше. Больше плакал... он понимал скорость своего бытия. Наконец очередные ангелы Петьки, поддерживая его под руки, помогли подойти к окну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.